

ГОЛОС ИЗБИРАТЕЛЯ

ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ МОСКОВСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЕЙ

№ 5

РУКИ ПРОЧЬ ОТ Т. ГДЛЯНА И Н. ИВАНОВА!

Шельмование и травля в средствах массовой информации Т. Гдляна и Н. Иванова, похоже, вышли на новый виток. Вновь широко используются официозные издания, снискавшие в народе недобрую славу душителей гласности и справедливости. 29 октября в газетах «Известия», «Труд» и «Советская Рос-

сия» опубликована статья «Серьезный урок», повторяющая уже давно знакомые лживые нападки на следственную группу, возглавлявшуюся Т. Гдляном и Н. Ивановым.

Статью распространил ТАСС, но без указания своей фирмы. Очевидно даже в агентстве, находящемся под жестким

контролем правительства, не перевелись совестливые люди.

В сегодняшнем номере «Голоса избирателя» вы прочтете правду о так называемом «деле Гдляна и Иванова». В последующих номерах мы будем рассказывать о работе комиссии Верховного Совета СССР, которой поручено Съездом разобраться во всем этом деле.

Мафия и перестройка ИЛИ перестройка в мафии

С апреля нынешнего года средства массовой информации — газеты, журналы, радио и телевидение по команде сверху выплеснули на аудиторию мощный поток так называемых «фактов», «свидетельств очевидцев», рассуждений и выводов должностных лиц и даже самодельных расследований журналистов о наруше-

Во-вторых, и это главное — комиссия № 1, что сразу же выяснилось, оказалась антиконституционной. По этому поводу выразили свое возмущение избиратели Москвы и народные депутаты СССР. В результате чего комиссия тихо, без огласки распущена. Что там ни говори, но после провозглашения курса на создание социалистического правового государства приходится поступать более осмотрительно, облекать старые ме-

дами чинили произвол с целью: «искусственно расширить круг обвиняемых в коррупции ответственных работников», вплоть до «руководящих работников страны». Для выполнения своего коварного замысла «насаждали порочную практику огульных обвинений во взяточничестве», использовали «недозволенные, подчас провокационные методы добывания доказательств». В частности, «допускали оскорбления арестованных, унижение их человеческого достоинства и запугивание расстрелом», «принуждали подозреваемых и свидетелей к даче так называемых «признательных» показаний путем необоснованных арестов, шантажа и запугивания» и т. п.

Ну, чем не готовое обвинительное заключение по образцу и подобию аналогичных документов 37-го года, где декларировались обвинения, но не было юридических доказательств! Жаль, на дворе 1989 г. с разрешенными элементами полу-

делам, и, нередко, ставили даже «знак качества».

В особо жалком положении оказался Генеральный прокурор СССР, его заместители и подчиненные им прокуроры, которые безропотно давали санкции на аресты и обыски, соглашались с принимаемыми по делу решениями (а без соблюдения этой формы расследование невозможно), продлевали сроки содержания под стражей обвиняемых и их родственников до 9 месяцев, а в дальнейшем добивались разрешения на продление в Президиуме Верховного Совета СССР, информировали ЦК КПСС о законности и обоснованности ведения следствия, «терпели» неповиновение и игнорирование своих указаний и, вообще, «послушно» выполняли все пожелания своих строптивых подчиненных.

Нет в тексте заключения комиссии и намека о принятых «верхами» мерах. Напрашивается вывод, что ЦК КПСС и Президиум Верховного Совета СССР также допусти-

ством. Если факты и доводы убедительны, Президиум Верховного Совета СССР выносит постановление по конкретному уголовному делу и разрешает Генеральному прокурору продлить содержание обвиняемых под стражей на определенный срок. Постановление подписывает Председатель (по нашему делу ими были К. У. Черненко, А. А. Громыко, М. С. Горбачев). Только на основании этого разового государственного акта выносится еще одно постановление, в котором Генеральный прокурор или его заместитель со ссылкой на постановление Президиума Верховного Совета СССР устанавливает срок содержания под стражей обвиняемых (кстати, он может этот срок уменьшить, но не вправе увеличить). Подобная практика существует уже десятилетия и мы не выходили за ее рамки, но... в заключении комиссии нам предъявлено это обвинение.

Анализ борьбы с организованными преступными группами в 70-

средства массовой информации — газеты, журналы, радио и телевидение по команде сверху выплеснули на аудиторию мощный поток так называемых «фактов», «свидетельств очевидцев», рассуждений и выводов должностных лиц и даже самодельных расследований журналистов о нарушениях законности следователями из группы, руководимой Гдяном и Ивановым... Хотя все это грамотнее было бы назвать **ДЕЗИНФОРМАЦИЕЙ**.

Особо печальную известность получили: интервью председателя КПК при ЦК КПСС Б. К. Пуго, опубликованное в «Правде» 30 апреля 1989 г., и заключение комиссии Президиума Верховного Совета СССР, напечатанное 20 мая 1989 г. во всех центральных и ряде областных газет. Эти два документа объединены одной целью, но каждый из них характеризует качественно разные этапы политической акции, организованной коррумпированной частью партаппарата.

Итак, 30 апреля 1989 г. в газете «Правда» появилась публикация под рубрикой «Письмо с комментарием». Письмо в КПК при ЦК КПСС и редакцию «Правды» написал бывший работник Верховного суда СССР, член КПСС с 1944 г., участник войны, ныне пенсионер С. Олихейко, а прокомментировал его председатель КПК при ЦК КПСС Б. К. Пуго (кстати, комментарий был дан корреспонденту, которого в редакции попросту не существует. Материал, скорее всего, подготовили в аппарате ЦК).

Вряд ли стоит подробно напоминать содержание этого материала — у читателей, следящих за нашими «липетями», он свеж в памяти; необходимо подчеркнуть лишь два момента. С. Олихейко в связи с действиями Гдяна и Иванова вспоминает о 30-х годах. Прозрачный намек, не правда ли? Невольно, по аналогии, вспоминается первая провокация по «делу Ельцина». Кстати, не сегодня у Б. Н. Ельцина «в активе» уже три «дела» и три комиссии, у нас же — три комиссии, но «дело» одно. Хотя основа у них та же — политическая. Это — во-первых.

Комиссия № 1, что сразу же выяснилось, оказалась антиконституционной. По этому поводу выразили свое возмущение избиратели Москвы и народные депутаты СССР. В результате чего комиссия тихо, без огласки распустили. Что там ни говори, но после провозглашения курса на создание социалистического правового государства приходится поступать более осмотрительно, облекать старые методы в новую одежду.

На выводах комиссии № 2 придется остановиться подробнее, поскольку ее создание ознаменовало полный разгром уголовного дела, которое наша группа вела почти шесть лет.

Заключение комиссии было опубликовано в печати 20 мая 1989 г., за 4 дня до начала работы Съез-

да. Его подписали Генеральный прокурор СССР А. Я. Сухарев, председатель Комитета государственной безопасности СССР В. А. Крючков (ныне еще и член Политбюро ЦК КПСС), первый заместитель Председателя Верховного суда СССР С. И. Гусев, министр юстиции СССР Б. В. Кравцов, министр внутренних дел СССР В. В. Бакатин, академик В. Н. Кудрявцев и другие уважаемые аппаратом товарищи. Очевидно, по замыслу авторов, этот документ, исполненный едва ли не в лучших традициях приснопамятных лет, должен был сформировать у населения образ врагов — следователей-живодеров периода массовых репрессий.

Из заключения следует, что Гдян, Иванов, а также «приближенные к ним следователи» го-

два следователя, должности которых, как ни странно, соответствуют всего лишь нижним ступеням существующей сегодня иерархической лестницы! Ведь за период работы следственной группы (1983—1989 гг.) жалобы о произволе поступали, если верить заключению, во все инстанции, но почему-то никто не решался пресечь творимые беззакония. В заключении отмечены давние и серьезные претензии к нашей деятельности со стороны руководства всех правоохранительных органов, а в то же время работники КГБ и МВД многие годы активно участвовали в большинстве акций следственной группы, ныне признаваемых «нарушениями законности» и неоднократно, из года в год, поощрялись за это своим руководством; суды выносили приговоры по этим

Ну, чем не готовое обвинительное заключение по образцу и подобию аналогичных документов 37-го года, где декларировались обвинения, но не было юридических доказательств! Жаль, на дворе 1989 г. с разрешенными элементами полудемократии и полугласности, а не то бы сразу в суд или еще лучше — в «особое совещание»...

Если допустить, что все изложенное в заключении хоть отчасти соответствует действительности, то какой же колоссальной фактической властью в стране периода расцвета перестройки, демократии и гласности наделены были

Дискредитация следствия шла так спешно, что комиссия № 2 даже не посчитала нужным (а может и не успела) ознакомиться с материалами уголовного дела. Почеловечески ее можно понять — пришлось бы изучить сотни томов. А вдобавок проверить и «факты нарушений», в том числе — грубых. Одним из самых серьезных, на взгляд членов комиссии, обвинений является длительность расследования и содержания во время него под стражей подсудимых. Авторы заключения уделили этому так много внимания, что есть резон подробнее разобраться в этом вопросе.

По действующему законодательству (ст.ст. 122 и 127 УПК РСФСР) следователь имеет право задержать подозреваемого в совершении преступления лицо на срок до 3-х суток. Это — предел его полномочий по ограничению свободы граждан. Санкции же на аресты (до 2-х месяцев) и обыски вправе давать лишь Генеральный прокурор СССР, его заместители и подчиненные им прокуроры (ст.ст. 96 и 168 УПК РСФСР). Срок содержания обвиняемого под стражей может быть продлен прокурором области до трех месяцев, прокурором республики — до шести, Генеральным прокурором СССР и его заместителями — до девяти месяцев (ст. 97 УПК РСФСР). Если и за это время расследование дела из-за его сложности, обилия эпизодов не завершено, то Генеральный прокурор (и только он, а не следователь), исчерпав свои полномочия, обращается в Президиум Верховного Совета СССР с ходатай-

Президиуму Верховного Совета СССР, информировали ЦК КПСС о законности и обоснованности ведения следствия, «терпели» виновение и игнорирование своих указаний и, вообще, «послушно» выполняли все пожелания своих строптивых подчиненных.

Нет в тексте заключения комиссии и намек о принятых «верхами» мерах. Напрашивается вывод, что ЦК КПСС и Президиум Верховного Совета СССР также попустительствовали следствию, давали свое согласие на продление сроков содержания обвиняемых под стражей на несколько лет, а также на привлечение к уголовной ответственности высокопоставленных должностных лиц, не принимали решительных мер по пресечению произвола и беззакония.

или его заместитель со ссылкой на постановление Президиума Верховного Совета СССР устанавливает срок содержания под стражей обвиняемых (кстати, он может этот срок уменьшить, но не вправе увеличить). Подобная практика существует уже десятилетия и мы не выходили за ее рамки, но... в заключении комиссии нам предъявлено это обвинение.

Анализ борьбы с организованными преступными группами в 70—80-е годы показывает, что эти дела и им подобные ведутся обычно в течение нескольких лет. И в мировой практике следователи испытывают похожие трудности — сроки следствия подчас затягиваются, хотя зарубежные коллеги в более выгодном положении, им не надо согласовывать каждый серьезный вопрос в Центральном Комитете правящей партии.

Статья 20 УПК РСФСР обязывает принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. Выполнить эти требования, не располагая временем, невозможно. Уголовное дело № 18/58115-83 о коррупции в партийных, советских, правоохранительных органах Узбекской ССР и г. Москвы (для отвода глаз названное «узбекским»), по длительности расследования не является исключением. Если уж у него и были принципиальные отличия, то в другом.

И все же — была ли у нас возможность быстро завершить следствие? Да, была. Еще в 1983 г. Генеральный прокурор СССР А. М. Рекунов и его заместитель по следствию О. В. Сорока настойчиво «рекомендовали» локализовать дело и за несколько месяцев завершить его путем изобличения уже привлеченных к уголовной ответственности за взяточничество восьми должностных лиц среднего уровня только из Бухарской области. Однако это было и безнравственно, и незаконно.

Учитывая печальную судьбу предшественников, их опыт, мы постепенно разработали гибкую стратегию и тактику расследования, направленную прежде всего против организаторов мафиозных групп, их покровителей. И вскоре дело переросло в уголовно-политическое. Поэтому трудно припомнить следствие, которому бы так

(Продолжение на 2-й стр.)

Мафия и перестройка, или перестройка в мафии

(Продолжение. Начало на 1-й стр.)

последовательно оказывалось противодействие со стороны руководства Прокуратуры СССР и аппарата ЦК КПСС. Годами приходилось ждать разрешения на привлечение того или иного должностного лица к уголовной ответственности. Более года не могли принять решения в отношении Чурбанова, почти три года — по поводу первого секретаря ЦК КП Узбекистана Усманходжаева. С 1984 г. следствие располагало материалами о взяточничестве работников аппарата ЦК КПСС, но лишь в 1989 г. первый и пока единственный коррупционер — В. И. Смирнов был привлечен к уголовной ответственности. Почти каждого нового руководящего товарища буквально приходилось вырывать из «монолитных рядов», затрачивая на это немалые силы и время. Не было бы этого противодействия, не пришлось бы сейчас сетовать на длительные сроки расследования.

В Узбекистане мы выявили массовую коррупцию и пришли к выводу: структура власти в республике совпала со... структурой мафии. Каждое нижестоящее звено является «жертвой» вышестоящего. Если на любом уровне оборвать связи, ведущие наверх, «жертва» мгновенно перевоплотится в «организатора», а значит за преступления, совершенные в пределах своей территории, понесет более суровое наказание.

В августе 1984-го был арестован первый секретарь Бухарского обкома партии А. К. Каримов. Рассказывая о своей преступной деятельности, он признался: сам-де регулярно давал взятки должностным лицам в ЦК КП Узбекистана, ЦК КПСС, используя на это часть средств, полученных в виде взяток от первых секретарей райкомов партии, других подчиненных.

Когда Каримов в одиночестве предстал перед Верховным судом СССР, его возмущению, естественно, не было предела. Он настаивал, чтобы его судили вместе с работниками ЦК КПСС В. И. Смирновым, К. Н. Могильниченко, секретарями ЦК КП Узбекистана И. Б. Усманходжаевым, Т. Н. Осетровым, Р. Х. Абдуллаевой, А. У. Салимовым и другими «товарищами по партии» из Ташкента и Москвы. Правда, вполне справедливую

ток Умаровым. В начале 1989 г. мы провели ряд очных ставок, завершили проверку большинства эпизодов его преступлений. Лишь после этого, учитывая длительное содержание Умарова под стражей, было принято решение об окончании следствия.

По сходным мотивам затянулось расследование преступной деятельности и некоторых других обвиняемых.

Во время беседы с комиссией № 2 Гдань заявил, что ему и руководимой им группе постоянно чинились препятствия в решении вопросов о привлечении к ответственности лиц, занимающих высокие должностные положения. Может, трудно было проверить его доводы? Отнюдь, для этого требовалось получить стенограммы заседаний Политбюро ЦК КПСС за 1986, 1988, 1989 годы (на них по данному уголовному делу принимались решения), переписку Прокуратуры СССР с ЦК КПСС, Президиумом Верховного Совета СССР и сопоставить все это со следственными документами. Лишь на первый взгляд странно, что председатель комиссии № 2 А. Я. Сухарев, внезапно «позабыл» обо всем этом, подписывая текст заключения. Еще бы! Иначе как объяснить, что в правовом государстве решения по конкретному уголовному делу принимаются в ЦК КПСС, или даже в Политбюро, а не в Прокуратуре СССР, как того требует закон?

Что-то с памятью случилось и у заместителя Председателя Верховного суда СССР С. И. Гусева. Бедь в стенах его учреждения в 1987—1988 гг. проходили процессы над А. К. Каримовым и Ю. М. Чурбановым и другими, а материалы этих дел красноречиво свидетельствовали о противодействии «верхов». Странно, что Гусев «забыл» и о другом. В 70-х годах он являлся заместителем Генерального прокурора СССР по следствию и в Президиум Верховного Совета СССР по следствию и в Президиум Верховного Совета СССР чуть ли не пачками направлял ходатайства о продлении сроков содержания под стражей подозреваемых не на месяцы — на годы. Разве не при нем локализовывались крупные расследования, в частности, было незаконно при-

улучшению деятельности правоохранительных органов при осуществлении ряда радикальных реформ, но, как это ни парадоксально, с 1986 г. руководство страны взяло курс на... сворачивание борьбы с организованной преступностью. Заработали невидимые «дирижеры». Конкретная критика постепенно переводилась на обобщения, а в беспорядках оказался виноватым юрст — практик. Особенно досталось следователям. Милиция тут же снизила активность по выявлению и раскрытию преступлений: прокуроры пытались уклониться от выдачи санкций на арест, суды под любыми предлогами спешили возратить дело на доследование. Руководители правовых ведомств только подливали масла в огонь, принимая меры к тем, кто еще продолжал проявлять активность.

Новая ситуация очень устраивала преступную среду: Любые нежелательные для себя действия обвиняемые и подсудимые сплошь и рядом, по всей стране стали объяснять «незаконными методами» следствия. И для этого не нужно было никаких обоснований и доказательств. В одночасье масса следователей из всех ведомств — прокуратуры, МВД, КГБ — превратилась в «нарушителей законности», а совершители преступления убийцы, воры, насильники, расхитители, взяточники — в «жертвы произвола». Возникли аналогии с репрессиями 30-х годов. Престиж правоохранительных органов стремительно падал. В итоге — лучшие следователи и оперативные работники оставили свои посты. Наблюдавшийся ранее обвинительный уклон столь же стремительно превратился в оправдательный. Произошло извращение принципа оценки всей совокупности доказательств, как добытых в ходе следствия, так и исследованных в судебном процессе. При вынесении приговоров следственные материалы, зачастую, стали просто игнорироваться. В судах вновь прочно воцарилась «царица доказательств»: раскаялся или со страху вернул награбленное — получи срок по всей строгости, оспариваешь свою вину, ценности запрятал — рассчитывай на снисхождение, или даже реабилитацию.

доставлено право на любой стадии сворачивать крупные расследования.

Поединок с правоохранительными органами выиграла мафия.

Приведем один из выводов комиссии № 2 и сопоставим с ним факты. Из заключения: «По данным Прокуратуры СССР, многие арестованные в дальнейшем отказывались от вынужденных ложных показаний, однако, это не заносилось в протоколы следственных действий, а следователями принимались срочные меры по восстановлению утраченного влияния на обвиняемых. Так, 14 июля 1987 г. подследственный Орлов подал два заявления на имя бывшего Генерального прокурора СССР Рекункова и его заместителя Сороки, в котором говорилось об оговоре им Усманходжаева, Осетрова, Ишкова. На следующий день он был вызван Ивановым и в течение шести часов активно допрашивался. По словам Орлова, ему обещали изменить меру пресечения на подписку о невыезде в случае, если он будет держаться прежних показаний. Предлагалось также пореать накануне отправленные заявления, которые не попали по назначению, а оказались у следователя».

Члены комиссии поспешно подписали явную неправду. А если бы узнали, пусть бегло, с делом Орлова, то в показаниях за 15 июля 1987 г. нашли бы двухсторонний протокол допроса, оформленный Ивановым: там зафиксировано и очередное изменение показаний Орловым, а также указаны мотивы этого. И никаких заявлений Орлов не передавал тогда, и вел себя на следствии неискренне, непоследовательно. Многие могли бы узнать члены комиссии, если бы делали свои выводы, исходя из документов уголовного дела.

В частности, они обратили бы внимание, что большая часть обвиняемых рассказывала о своей преступной деятельности не только следователям, но и надзирающим прокурорам, руководству следственной части и Прокуратуры СССР, работникам ЦК КПСС, КПК при ЦК КПСС и даже корреспондентам центральных газет. Их показания не вызывали сомнений в судебных процессах. Массовые же

поводы для возмущения! Мало того, что эти следователи «сбриковали» дела на ложных показаниях, так еще всякими посулами пытались протащить сомнительные доказательства в судебных процессах!

Однако вновь, как и в случае с Г. М. Орловым, члены комиссии промахнулись, взяв за основу все те же «данные» Прокуратуры СССР. Но стоило бы взглянуть в личное дело Рахимова и стало бы ясно: Иванов не вызывал ни одного из осужденных, доставленных в Москву на процесс Чурбанова — Яхьяева, Кахраманова и других в 1988 г., а с Рахимовым последний раз встречался в Ташкенте в 1986 г. Можно было бы ознакомиться со следственными и судебными документами, из которых видно, что этот бывший заместитель начальника УВД Бухарского облсполкома покровительствовал начальнику ОБХСС А. Музаффарову, у которого при аресте были изъяты ценности почти на полтора миллиона рублей, получал взятки от него и других, а также сам давал взятки первому секретарю Бухарского обкома партии А. К. Каримову, заместителю министра внутренних дел Узбекской ССР Кахраманову Т. Х. и иным руководящим работникам, за что и был осужден в 1986 г. к 14-ти годам лишения свободы.

На этом судебном процессе Кахраманов также рассказал об эпизодах получения им взятки от Рахимова. Приговором Верховного суда Узбекской ССР признаны доказанными, в числе других, факты дачи Рахимовым взяток Кахраманову и Каримову. Приговор утвержден Верховным судом СССР, при этом каких-либо оснований для смягчения наказания Рахимову не было установлено. В мае 1987 года на процессе по делу А. К. Каримова Верховный суд СССР вновь признал доказанным эпизод получения Каримовым взятки от Рахимова.

Более того, заявляя вдруг, вопреки доказательствам, о своей невинности Рахимов с 1986 года стал шатнажировать соучастников, посылал угрожающие письма свидетелям, вымогал у них деньги, писал жалобы в различные инстанции, где приводил заведомо лож-

предстал перед Верховным судом СССР, его возмущению, естественно, не было предела. Он настаивал, чтобы его судили вместе с работниками ЦК КПСС В. И. Смирновым, К. Н. Могильниченко, секретарями ЦК КП Узбекистана И. Б. Усманходжаевым, Т. Н. Осетровым, Р. Х. Абдуллаевым, А. У. Салимовым и другими «товарищами по партии» из Ташкента и Москвы. Правда, вполне справедливую просьбу отклонили, поскольку большинство названных руководителей не только не были еще привлечены к уголовной ответственности, но и продолжали восседать в своих креслах.

Каримов, классифицированный как «отдельное негативное явление», получил исключительную меру наказания — расстрел. Отцы мафии нетерпеливо потирали руки, рассчитывая на быстрое проведение приговора в исполнение. Еще бы! Исчез бы информированный свидетель, оборвались бы многочисленные преступные связи. Но Каримову заменили меру наказания: вместо расстрела — 20 лет в колонии особого режима.

Было ли здесь нарушено право обвиняемого на защиту? Конечно. Но тогда, в 1986 году, в трудное для нас время руководство Прокуратуры СССР приняло решение выделить дело Каримова из общего расследования. Ну, а что бы произошло, если бы Каримов оказался на одной скамье подсудимых со Смирновым, Усманходжаевым, Чурбановым, Осетровым и другими? Приговор был бы много мягче.

Другой пример. Умер з. Т. М. — управляющий делами ЦК КП Узбекистана, ближайший сподвижник Ш. Р. Рашидова — личный его «министр финансов». Активно участвовал в сборе податей для своего «дочка» с нижестоящих руководителей. Взятки честно передавал Рашидову, а потом — его преемнику Усманходжаеву. Не забыл и про московских дружков. А за это имел? Мелочи — квартиры, машины, квартиры, путевки. Через Умарова прошли огромные ценности. Единный в трех лицах — взяткодатель, взяткополучатель и посредник, он лишь от К. Каримова получил взятку на 50.000 рублей. Три приговора, из них два — Верховного суда СССР, установили факты получения и дачи взя-

ток. Он являлся заместителем Генерального прокурора СССР по следствию и в Президиум Верховного Совета СССР по следствию и в Президиум Верховного Совета СССР чуть ли не пачками направлял ходатайства о продлении сроков содержания под стражей подследственных не на месяцы — на годы. Разве не при нем локализовывались крупные расследования, в частности, было незаконно приостановлено дело в отношении Я. С. Насриддиновой. Об этом факте он вспомнил неожиданно — при обсуждении своей кандидатуры на первой сессии Верховного Совета СССР в июне с. г. Но депутаты отказали в доверии такому «забывчивому» человеку.

В медицине хорошо описано явление частичной амнезии — стирание в памяти только одних каких-то событий. Если допустить, что именно в момент подписания заключения, текст которого был составлен в Прокуратуре СССР и согласован в ЦК КПСС, всех членов комиссии № 2 внезапно поразил этот коварный недуг, то иначе, как уникальным случаем это не назовешь. Особенно же поражает быстрое «выздоровление» отдельных членов комиссии после публикации заключения. На следующий день, 21 мая 1989 г. в «Правде» появилась статья Б. В. Кравцова «Только в рамках законности», где министр юстиции, почувствовав, вероятно, угрызения совести, попытался немного смягчить негативное восприятие текста заключения общественностью. Он признал, что продление сроков содержания под стражей не входило в компетенцию следователей. И на том спасибо.

Полугласность не обошла и правоохранительные органы, в их адрес все чаще и чаще стала звучать критика. И это вполне объяснимо. Ведь их деятельность традиционна находилась в сфере, закрытой для критики. Обществу, оказалось, вовсе не безразлично, отчего это в органах внутренних дел, КГБ, прокуратуре, судах правды не сыщешь. Почему там процветает злоупотребление властью, а права граждан не очень-то и защищаются от преступных посягательств.

Несмотря на издержки, общенародное обсуждение этих процессов в основном способствовало бы

дабном процессе. При вынесении приговоров следственные материалы, зачастую, стали просто игнорироваться. В судах вновь прочно воцарилась «царица доказательства»: раскаялся или со страху вернул награбленное — получи срок по всей строгости, оспариваешь свою вину, ценности запрягал — рассчитывай на снисхождение, или даже реабилитацию.

Подстроившиеся под господствующую тенденцию «умники» опровергали даже вечную аксиому, что следствие — это как минимум психологический поединок в поисках истины между следователем и подследственным. Теперь это окрестили по-новому — «психологическим воздействием».

Были даже предприняты попытки свернуть борьбу с организованной преступностью на... «законных» основаниях. XIX партконференция принимает решение: вместо создания вневедомственного Следственного Комитета СССР ликвидировать более независимое и боеспособное подразделение — следственный аппарат прокуратуры, передать его в МВД. Были подготовлены законопроекты (например, Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик), предусматривающие смягчение ответственности и льготы лишь для представителей мафиозных кланов, а Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 30 марта 1989 г. пре-

в частности, они обратили бы внимание, что большая часть обвиняемых рассказывала о своей преступной деятельности не только следователям, но и надзирающим прокурорам, руководству следственной части и Прокуратуры СССР, работникам ЦК КПСС, КПК при ЦК КПСС и даже корреспондентам центральных газет. Их показания не вызвали сомнений на судебных процессах. Массовый же отказ от «вынужденных» показаний начался разом в апреле-мае 1989 г. и почему-то в тюрьме КГБ СССР, куда вывозили арестованных под прикрытием комиссий № 1 и № 2. Там же показывали подследственным интервью Б. К. Пуго в «Правде» от 30.04.89 г. и недвусмысленно намекали — «верхи» проводят рокировку, меняя местами следователей и подследственных.

Еще один факт. Осужденный Рахимов Ш. в объяснении Прокуратуре СССР писал, — что за два дня до начала процесса по делу Чурбанова и других он был вызван следователем Ивановым и тот сообщил ему о, якобы, имеющейся договоренности с судьей о снижении ему, Рахимову, меры наказания. Но не за просто так! «Для этого нужно в суде заявить о взяточничестве Кахраманова и Каримова». По мнению комиссии, этот вопиющий факт — лучшее доказательство противозаконного давления на обвиняемых и свидетелей. Оно продолжалось, оказывается, и после направления дела в суд. Да, есть

Верховный суд СССР вновь признал доказанным эпизод получения Каримовым взятки от Рахимова.

Более того, заявляя вдруг, вопреки доказательствам, о своей невинности Рахимов с 1986 года стал шатнажировать соучастников, посылал угрожающие письма свидетелям, вымогал у них деньги, писал жалобы в различные инстанции, где приводил заведомо ложные сведения в адрес следствия и суда с единственной целью — добиться снижения меры наказания. Об этом свидетельствуют обширные материалы прокурорских проверок, а бывший Генеральный прокурор СССР А. М. Рекунков на их основе упоминал о такой противозаконной деятельности Рахимова в печати.

Ну, зачем, скажем, следователю склонять осужденного к подтверждению каких-либо эпизодов, обвинения, если они уже признаны доказанными Верховным судом СССР? Снижение же меры наказания не входит в компетенцию следствия, и кроме того, для этого не имелось ни малейших оснований. Можно было принять во внимание и другой факт — вместо смягчения ответственности еще в 1987 году Рахимов был переведен из колонии под Алма-Атой в аналогичное учреждение в Сибири в целях исключения его отрицательного воздействия на других соучастников.

Заканчивая о Рахимове, хотелось бы задать покровителям мафии только один вопрос: чем Вы объясните, что осужденный в мае 1986 года к 14-ти годам лишения свободы Ш. А. Рахимов нынче уже празднует свое освобождение дома в древней Бухаре? Нас, конечно, умиляет Ваша «гуманность» к союзникам, но уверены, что членораздельного ответа от Вас мы не получим.

Читаем дальше заключение комиссии номер два: «Согласно данным Верховного суда СССР, отдельные арестованные с целью психологического воздействия на них в течение длительного времени не допрашивались. Так, оправданный военной коллегией по делу Чурбанова Кахраманов имел неоднократно перерывы в допросах более четырех месяцев. Свидетель Дустов показал, о даче взятки Кахраманову почти через

(Скочивание на 3-й стр.)

Мафия и перестройка, или перестройка в мафии

(Сокращение. Начало на 1-й и 2-й стр.)

год после ареста. В суде он заявил, что в течение этого периода от него требовали оговорить Кахраманова, и он был вынужден это сделать. Умаров, содержащийся под стражей почти два года, дал показания о многочисленных эпизодах получения и дачи взяток. После освобождения он отказался от сказанного, в связи с чем вновь был арестован и возвратился к прежним показаниям.

Итак, на первый взгляд, примеры с Кахрамановым, Дустовым, Умаровым должны были подтвердить «данные» Верховного суда СССР, будто эти подследственные в течение длительного времени не допрашивались с целью «психологического на них воздействия»? Попробуем по-иному оценить этот абзац, процитированный из заключения. Кахраманов имел перерывы в допросах более четырех месяцев. Значит, делает вывод комиссия, налицо «психологическое воздействие». Дустов дал показания о даче взятки Кахраманову почти через год после ареста — еще более возмутительно, как же долго пришлось ждать допросов! Но следующая предположение опровергает первое, ибо в нем говорится, что «в течение этого периода от Дустова требовали оговорить Кахраманова и он вынужден был это сделать». Так допрашивали Дустова в течение года или нет? Из выводов комиссии понять это невозможно.

Давайте предположим — эта несуразица в «фактах» возникла не по злему умыслу, а из-за спешки авторитетной комиссии. Рассмотрим каждый случай нарушения законности в отдельности. То общественность пытались убедить, что допрашивать редко — плохо (Кахраманов), то в обратном, что частные допросы тоже вредят (Дустов). А уж изменять меру пресечения (Умаров) — просто возмутительно, все это свидетельствует о «нарушении законности».

Тут расчет на юридическую неосведомленность людей. Вы, наверное, уже заметили, что ни в публикации Б. К. Пуго — председателя комиссии номер 1 ни в заключении комиссии номер 2 нет ссы-

лись и допрашивали (не важно по каким вопросам) значит, оказывали «незаконное давление». Но вот что характерно: эти претензии возникли не сегодня, а еще осенью 1988 года в судебном процессе по делу Чурбанова и ему подобных. Несмотря на всю тенденциозность процесса судья Маров при проверке этих «фактов» не усмотрел в них нарушений законности, оттого и не вынес частного определения в адрес следствия. Прошло полгода, и те же самые обстоятельства комиссия № 2 расценила как нарушения. Точно так же в свое время председатель комиссии номер 1 Б. К. Пуго превратил проверку дела работниками ЦК КПСС и КПК при ЦК КПСС в «проверку Прокуратуры СССР», которая естественно, тут же выявила «нарушения законности». Своя рука владыка!

Допустим, комиссия работала в спешке и допустила неточности. Но ведь «незаконные» аресты, как их-то объяснить? Поговорим и на эту тему. Обратимся к тексту заключения: «В заявлениях более 20 граждан утверждается, что следователи из группы Гдляна нередко допускали незаконные аресты. Житель г. Карши Муянов необоснованно содержался под стражей два года и четыре месяца, Каримов Р. — около трех лет, Ахадова Н. Р., будучи беременной, двадцать дней. В отношении указанных лиц многих других дела в дальнейшем были прекращены за отсутствием состава преступления».

Все верно, кроме одной маленькой детали. Расследование дел Муянова, Каримова, Ахадовой производила не следственная группа Прокуратуры СССР, а органы прокуратуры Узбекской ССР.

Столь откровенная неправда, включенная в очередное обвинение в «нарушениях законности», лишней раз свидетельствует: не на тех «данных» комиссия делает свои выводы.

«Если по стране бродят денежные знаки, что должны быть люди, у которых их очень много», — утверждал Остап Бендер. Основная трудность, по его мнению, заключалась в том, чтобы разыскать в огромной стране подпольного миллионера, а уж там он сам выло-

Во-первых, прошла команда: дальнейшие изъятия ценностей не производить (хотя по плану следствия предполагалась их экспроприация у целого ряда миллионеров). С начала разгона следственной группы эта работа была полностью свернута, а уже арестованные хранители срочно освобождены из-под стражи.

Во-вторых, стали предприниматься меры по максимальному снижению объемов уже изъятых богатств. Как известно, в мае 1989 г. уголовное дело насильно, можно сказать, разбойным путем, без оформления акта приема — передачи, было у нас изъято, а следовательно, появилась возможность и сокрытия (при необходимости) тех или иных материалов, доказательств, сведений по ценностям. Началась и переоценка изъятого по максимально заниженным критериям.

Для начала стали появляться пока еще глухие высказывания и намеки: дескать, новые расчеты стоимости изъятых ценностей не соответствуют прежним, там у следователей полная неразбериха, а кое-чего вообще не хватает. Вместе с тем, (а многие, наверное, уже обратили на это внимание), как в комментарии тов. Пуго в «Правде» и заключении комиссии № 2, которые не только оформляли определенные стадии развала дела, но и давали направление для будущих погромных акций, так и в последующих выступлениях руководства Прокуратуры СССР и инспирированных публикациях в печати, общая сумма изъятого стала замалчиваться. И не только потому, что «работа» в этом направлении еще не завершена. Ведь даже если и удастся «сбить» сумму, десятки партийных миллионов в любом варианте — позорное пятно на теле аппарата, как его не отмывай. Невыгодно это иезуитам — коррупционерам, ох, невыгодно. Но и здесь нашлась лазейка. А зачем вообще подводить итоги стоимости изъятых преступно нажитых ценностей, когда и общего-то дела о коррупции в Узбекистане и в Москве больше не существует (об этом, кстати, уже сообщали в печати члены Комиссии Стяжков на-

роко практиковалось заключение под стражу их родственников. По делу бывшего первого секретаря Бухарского обкома партии Каримова было арестовано 16 его родственников на срок от 5 до 8 месяцев. Подобные же действия допускались в отношении близких Усманходжаева, Мусаханова, Камалова и других. В отношении многих из них уголовные дела в дальнейшем прекращены за отсутствием состава преступления».

Через четыре абзаца, посвященных другим вопросам, указано о якобы допущенных при изъятиях ценностей «нарушениях» закона, но уже глухо, без приведения фактов, и естественно, статей уголовно-процессуального законодательства, которые были «поправны».

А теперь рассмотрим один из упомянутых в заключении примеров, касающийся ареста родственников Каримова.

После привлечения уголовной ответственности в 198... Каримов рассказал о многочисленных эпизодах получения взяток от подчиненных, дачи взяток ответственным партийным руководителям в Ташкенте и Москве, но выдать нажитые преступным путем капиталы отказался. Однако в ходе следствия мы сами установили круг соучастников, укрывавших его огромные богатства. К ним относились жена, 26-ти летний сын (а не малолетние дети, как намекается в публикациях), другие близкие и дальние родственники.

Совместно с руководством Прокуратуры СССР и КГБ СССР был разработан план следственных и оперативно-розыскных действий по изъятию ценностей. Он предполагал и аресты тех соучастников-хранителей, которые будут противодействовать возвращению преступно нажитого. Жена, взрослые дети и некоторые другие родственники Каримова оказались такими же «забывчивыми», как и он сам. Они были взяты под стражу, постепенно к ним возвращалась память, и они выдали припрятанное. В результате были изъяты тысячи золотых монет, разнообразные ювелирные украшения, бриллианты, хранившиеся в разных местах. По-

ражках и неформальных изданиях? А мы им миллионами экземпляров — еще «факты», и доказывай, что ты не верблюд.

Именно по этому принципу, в основном, и составлено заключение комиссии № 2. Несколько строк лжи, или полуправды, а для опровержения необходимо писать страницы. Впрочем, иногда хулители сами себя опровергают. Например, в заключении отмечается, что о допущенных «нарушениях законности» следователями свидетельствует приговор Верховного суда СССР по делу Чурбанова, Яхьева, Кахраманова и других, оправдание Кахраманова, возвращение на доведение дела Яхьева. Но при этом умалчивается, что авторитетная комиссия юристов, назначенная после суда лично Генеральным прокурором СССР А. Я. Сухаревым, более двух месяцев изучавшая это дело, единогласно пришла к выводу о необоснованности приговора и необходимости его опротестования.

Утверждается также, что Верховным судом СССР в апреле 1989 г. был реабилитирован Хинт. Но при этом не сообщается, что ранее те же члены Верховного суда утверждали в отношении него приговор. Умалчивается, что руководство Прокуратуры СССР и поныне подтверждает виновность Хинта, указывает на необоснованность его реабилитации. Что отмеченные в частном постановлении Верховного суда СССР «факты» нарушения со стороны следствия противоречат действующему законодательству, не выдерживают критики, а само постановление является не юридическим, а литературно-политическим произведением периода деятельности других «законников» из комиссии № 1.

Сообщается о непринятии мер по партийной линии к освобожденным от уголовной ответственности лицам. Проявляя столь трогательную заботу о чистоте партийных рядов, в то же время замалчивают как после 5 месяцев тюрьмы удалось сохранить не только в партии, но и в ЦК махрового взяточника В. И. Смирнова: почему уютно и безопасно чувствуют себя Романов, Гришин, Кунаев, Алиев, Лис-

что допрашивать редко — плохо (Кахраманов), то в обратном, что частные допросы тоже вредят (Дустов). А уж изменять меру пресечения (Умаров) — просто возмутительно, все это свидетельствует о «нарушении законности».

Тут расчет на юридическую неосведомленность людей. Вы, наверное, уже заметили, что ни в публикации Б. К. Пуго — председателя комиссии номер 1, ни в заключении комиссии номер 2 нет ссылок на нарушения норм процессуального законодательства. И это не случайно. Во многих случаях факты из заключения просто невозможно обосновать как нарушение конкретных положений закона.

Ни в Основах уголовно-процессуального законодательства, ни в УПК союзных республик нет статей, регламентирующих частоту допросов обвиняемых. Это относится исключительно к компетентности следователя, а в случае возникновения каких-либо трений, жалоб — надзирающего прокурора.

Еще более несостоятельными выглядят претензии по поводу изменения меры пресечения Умарову. Как юристы из комиссии определили, что мы допустили нарушение? Ответить на этот вопрос сложно, ведь по делам о взяточничестве закон (ст. 96 УПК РСФСР) требует, как правило, избрание в качестве меры пресечения — заключение под стражу по мотиву лишь одной опасности этих преступлений. Арест, как известно, производится с санкции прокурора. Действительно, в 1987 году с учетом ухудшения здоровья, подтвержденного заключением нескольких судебно-медицинских экспертиз, Умаров был освобожден из-под стражи, дав подписку о невыезде. Подлечившись, Умаров вскоре попал под влияние сохранившихся мафиозных группировок и нарушил данные им обязательства — не являлся по вызовам, противодействовал расследованию. В результате, с санкции прокурора мера пресечения через полгода вновь была изменена, и он был заключен под стражу.

В заключении записано: «Следователи встречались в местах лишения свободы с осужденными Алимовым, Дустовым, Юлдашевым, Салахетдиновым и другими, предлагали подтвердить ранее данные показания, обещая способствовать смягчению меры наказания». Логика проста: коли встреча-

лись, то должны убедиться в правде, в «нарушениях законности», лишний раз свидетельствует: не на тех «данных» комиссия делает свои выводы.

«Если по стране бродят денежные знаки, что должны быть люди, у которых их очень много», — утверждал Остап Бендер. Основная трудность, по его мнению, заключалась в том, чтобы разыскать в огромной стране подпольного миллионера, а уж там он сам выложит денежки. Не исчезли Остапы Бендеры, не перевелись миллионеры. Правда, у последних, как правило, в кармане партбилет.

Даже Бендер, знавший «400 относительно честных способов отъема денег», присвистнул бы от удивления. Организованная мафиозная преступность, в отличие от социалистического общества, за 70 лет преуспела в развитии. Респектабельные «цеховики», руководители торговых, потребительских, снабженческих, хозяйственных организаций, ответственные должностные лица советских, правоохранительных, партийных органов, министры, члены ЦК... Какие люди! И все не беззащитны. У кого доходы поскромнее, тот содержит свою охрану, а остальных и это ни к чему. Надежной защитой служит должностное положение, депутатский статус, членство в выборных партийных органах (а мафиози считают за честь пребывать в партийных рядах), связи во всех органах по горизонтали и вертикали. А наиболее «уважаемым» даже положена охрана из КГБ.

Разложение кадров во всех звеньях власти и управления привело к тому, что именно сверху они имеют сегодня серьезную поддержку. Они — союзники коррумпированной части аппарата ЦК КПСС, и дружно обеспокоены тем, как неизвестно откуда взявшаяся горстка людей, называемая следственной группой Прокуратуры СССР, потревожила их сытую, спокойную жизнь. Более того, посмела тронуть самое святое — скопленный капитал. А все было так хорошо!

Пришлось «наверху» немало поломать голову — как пресечь (на будущее) попытки покушения на капиталы мафиозных групп и, одновременно, более правдоподобно объяснить «произволом» следователей уже состоявшиеся изъятия черных касс у партийных функционеров. И что бы Вы думали: нашли подходы к решению и этой весьма заплетильной проблемы.

Удастся «сбить» сумму, десятки партийных миллионов в любом варианте — позорное пятно на теле аппарата, как его не отмывай. Невыгодно это иезуитам — коррупционерам, ох, невыгодно. Но и здесь нашлась лазейка. А зачем вообще подводить итоги стоимости изъятых преступно нажитых ценностей, когда и общего-то дела о коррупции в Узбекистане и в Москве больше не существует (об этом, кстати, уже сообщали в печати члены Комиссии Съезда народных депутатов СССР). Его уже давно разделили по количеству обвиняемых на десятки отдельных дел, в результате чего некоторые миллионы вообще оказались «бесхозными», «ничейными». Не верите? А вы поинтересуйтесь у Генерального прокурора А. Я. Сухарева. Он не только все подробно пояснит, но и заверит, что члены партии, по Уставу, взяток не берут, что может подтвердить и его товарищ по ЦК КПСС В. И. Смирнов.

И, наконец, в-третьих, было крайне важно вернуть какую-то часть миллионов их «законным» владельцам и подыскать с юридической точки зрения обоснования для этого. И здесь не растерялись. А что если объявить родственников, доверенных лиц подследственных, хранивших их ценности, незаконно репрессированными (многие из них лишь после ареста выдавали ценности «хозяина», после чего из-под стражи освобождались)? В официальных документах, публикациях не упоминать, что они являлись соучастниками (не то пропадет весь эффект), а убеждать общественность, что их арестовали лишь для оказания «психологического давления» на обвиняемых, получения от них сфальсифицированных показаний «на верха»? Если этот номер пройдет, то в перспективе можно вернуть реабилитированным часть ценностей.

Вы возмущены, утверждаете, что этому никто не поверит, слишком примитивно?

Но тут надо помнить: аппарат живет как бы в другом измерении, у него свои резоны и своя логика. Ознакомьтесь еще раз внимательно с выступлением т. Пуго, или заключением комиссии Президиума Верховного Совета СССР и вы убедитесь, как эта идея нашла там свое отражение.

Приведем выводы комиссии № 2 дословно: «В материалах Прокуратуры СССР утверждается, что в целях оказания психологического давления на подследственных ши-

лагал и аресты тех соучастников-хранителей, которые будут противодействовать возвращению преступно нажитого. Жена, взрослые дети и некоторые другие родственники Каримова оказались такими же «забычивыми», как и он сам. Они были взяты под стражу, постепенно к ним возвращалась память, и они выдали припрятанное. В результате были изъяты тысячи золотых монет, разнообразных ювелирные украшения, бриллианты, жемчуга общим весом более центнера, деньги, облигации, а всего — на сумму шесть миллионов рублей.

Так имели ли мы возможность без ареста родственников Каримова вернуть народу 6 млн. руб.? Нет! Носили ли эти аресты незаконный характер? Опять же — нет! Оказывали ли они «психологическое давление» на показания Каримова о взяточничестве? Тоже не прослеживается подобной зависимости, ибо еще до ареста родственников он уже дал об этом развернутые показания.

Так что же мы «нарушили», какой закон? Если мы уж в чем и виноваты (совместно с руководством Прокуратуры СССР), то лишь в том, что не направили в суд дела на родственников Каримова, не увеличили и без того многотысячную армию осужденных в Узбекистане. Но об этом в заключении комиссии № 2 не упоминается.

Аналогично обстоит дело и по другим примерам «давления» на подследственных путем ареста их родственников — хранителей ценностей.

Почему не побоялись председатель КПК при ЦК КПСС т. Пуго и члены комиссии Президиума Верховного Совета СССР подписывать ту липу, которая была сфальсифицирована в недрах Прокуратуры СССР и ЦК КПСС? Не только потому, что не осмелились ослушаться власть имущих. Они убеждены в своей полной безнаказанности, ибо «хозяева» уже приняли решение подавить, разогнать непокорных следователей. Следователи обречены. На них брошен карательный аппарат мощных ведомств. На всяких там демократов, неформалов есть средства массовой информации, монополия на которые в руках «хозяев». Значит, любые фальсификации, подделки, опусы (вроде заключения комиссии № 2) будут тиражироваться десятками миллионов экземпляров.

Что они могут — эти следователи, когда против них Система? Кричать на митингах, опровергать факты, публиковаться в многоти-

риода деятельности других «законников» из комиссии № 1.

Сообщается о непринятии мер по партийной линии к освобожденным от уголовной ответственности лицам. Проявляя столь трогательную заботу о чистоте партийных рядов, в то же время замалчивают как после 5 месяцев тюрьмы удалось сохранить не только в партии, но и в ЦК махрового взяточника В. И. Смирнова: почему уютно и безопасно чувствуют себя Романов, Гришин, Кунаев, Алиев, Лигачев, Капитонов, Соломенцев и другие «отцы застоя», деятельность которых по развалу родной державы несоизмерима с правонарушителями из Бухарской области, вынужденными из-за вымогательства давать взятки функционерам высокого полета?..

Утверждается, что упоминание в связи фамилий Романова, Соломенцева, Лигачева, Теребилова относится к обвинениям, не основанным на каких-либо доказательствах. То есть можно понять, что все сказанное — плод фантазии следователей. При этом замалчивается, что эти фамилии неоднократно зафиксированы в материалах уголовного дела о взяточничестве — в качестве подлежащих тщательной проверке преступных связей обвиняемых.

Упоминается, что в феврале 1986 г. мы оба были наказаны Генеральным прокурором СССР за вмешательство в судебный процесс по делу Музаффарова и других. При этом замалчивается, в чем же это «вмешательство» выразилось, почему об этом секретном приказе мы узнали — через 6 месяцев, почему? Да потому, что приказ о наказании нужен был «хозяевам» Генерального прокурора СССР для дискредитации следствия.

Сообщается, что мы устроились от выполнения своих служебных обязанностей и стали реже выезжать в Узбекистан. При этом умалчивается, что штаб группы в 1989 г. в основном сосредоточился в Москве, здесь предстояли аресты московских мафиози из аппарата ЦК КПСС.

...Пройдет год, может быть — два. И современных «инквизиторов перестройки» ждет незавидная участь.

Мы же до конца жизни будем гордиться тем, что, разворошив муравейник, под градом камней, беззащитные, останемся навсегда при своем мнении.

Народные депутаты СССР
Т. Х. ГДЛЯН,
Н. В. ИВАНОВ.